

1.8. Искусственный интеллект в юридической практике: проблемы внедрения и эксплуатации*

Матюк Юлия Сергеевна

На современном этапе общество характеризуется глобальной трансформацией социальных и экономических отношений, связанной с процессами цифровизации и роботизации. В настоящее время наблюдается всплеск интереса к развитию и широкому применению искусственного интеллекта в юридической практике. Он проникает в самые разные сферы применения права.

Для того чтобы рассмотреть различные варианты использования ИИ в рамках юридической деятельности, можно концептуально выделить три категории пользователей ИИ: «администраторы» права (те, кто создает и применяет закон, включая различных чиновников, таких как судьи, законодатели, должностные лица и представители правоохранительных органов); практикующие юристы (те, кто использует ИИ в юридической практике, в первую очередь адвокаты); и те, кто руководствуется законом (граждане, предприятия и организации, которые используют закон для достижения своих целей и деятельность которых регулируются законом). Рассмотрим применение технологий ИИ в деятельности выделенных групп субъектов.

ИИ в частной практике юристов

Исследователями рассматривались перспективы замещения юристов современными технологиями на примере деятельности по сбору доказательств для суда. В американском судебном процессе есть стадия судебного обнаружения (*discovery*), во время которой стороны представляют суду письменные доказательства в поддержку своей позиции, зачастую она сводится к получению и рассмотрению большого количества документов, переданных адвокатом противной стороны. Задача адвоката заключалась в проверке документов и определении вручную, имеет ли документ отношение к рассматриваемым правовым вопросам. Значительная часть судебных издержек связана именно с этой стадией.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668.2020.6

В литературе приводится пример судебного спора 1978 г. с участием нескольких телекомпаний, в котором на изучение 6 млн документов стороны потратили более 2,2 млн долл. [3]. Благодаря достижениям в области искусственного интеллекта поиск и анализ документов для суда занимают гораздо меньше времени и обходятся на порядок дешевле. Например, позднее с помощью сервиса Blackstone Discovery на анализ 1,5 млн документов было потрачено менее 100 тыс. долл. Другими словами, даже без учета инфляции анализ документов с помощью искусственного интеллекта обошелся в 5,5 раза дешевле, чем аналогичный по содержанию труд юристов в предыдущем примере. Другой пример автоматизированного решения для сбора доказательств – сервис Clearwell, используя который юридическая фирма DLA Piper смогла меньше чем за 5 дней проанализировать 570 тыс. многостраничных документов и выбрать и представить в суд 3 070 документов, относящихся к судебному делу. Тем самым юристы уложились в установленный судом недельный срок, что при обычных методах анализа документов было бы абсолютно невозможно [7].

Еще одно интересное применение машинного обучения в юридической практике заключается в прогнозировании правовых результатов. Все чаще используются системы предиктивной аналитики для прогнозирования исхода дел, заинтересованные лица полагаются на данные, а не на интуицию, чтобы оценить свои шансы на победу в деле.

Американские ученые Д. Блэкман, Д.М. Катц и М. Боммари-то разработали программу, которая способна спрогнозировать решение Верховного суда США в семи из десяти случаев на основе заложенной в нее базы уже состоявшихся судебных решений с 1952 г. По оценкам исследователей, программа предугадывает решение с точностью до 75%, в то время как юристы – с точностью до 59,1%, хотя они более точны в предсказывании результатов голосования самих судей по конкретному делу [1].

Школа права Гарвардского университета оцифровала судебные дела с 1600-х годов и до наших дней. Создатели проекта не только выложили сами данные, но и дополнили их бесплатным API. С его помощью разработчики смогут создавать собственные продукты на базе судебных решений. Например, поисковые инструменты или чат-боты. Интересен пример компании Ravel Law.

Проект анализирует американские судебные прецеденты и, в отличие от многих других компаний, отталкивается от человека – судьи, а не от дела. Ravel Law структурирует все предыдущие процессы судьи и прослеживает скрытые закономерности его поведения. Таким образом, программа узнает, какие аргументы чаще всего влияют на судью, какая стилистика ведения процесса его раздражает, а какие прецеденты цитируются в его решениях чаще всего. Понимание этих аспектов позволяет адвокату быть более подготовленным на заседании, а клиенту – понимать, стоит ли вообще обращаться в суд [3].

Такое применение технологий находит поддержку не всегда. В 2019 году Парламент Франции внес поправки в закон о реформе правосудия, запрещающие использование аналитических данных о поведении судей. В законе сказано, что «никакие данные о судьях или секретарях суда с указанием их личных данных не могут быть повторно использованы для оценки, анализа и прогнозирования их реальной или предполагаемой профессиональной практики». За нарушение закона можно получить наказание до 5 лет тюрьмы.

Итак, юристы сегодня выполняют целый комплекс задач, начиная от весьма абстрактных и заканчивая рутинными и механическими. Современный ИИ с гораздо большей вероятностью сможет автоматизировать юридическую задачу только в том случае, если у него есть какая-то базовая структура или паттерн, который он может использовать. В отличие от этого, задачи, которые включают абстрактное мышление, решение нестандартных проблем, построение стратегии защиты, консультирование клиентов, эмоциональный интеллект человека, анализ политики, вряд ли будут подлежать автоматизации, учитывая пределы сегодняшней технологии ИИ.

ИИ, используемый в правоприменении и деятельности правоохранительных органов

Еще одна категория применения правовых технологий связана с использованием ИИ при правоприменении. В первую очередь это касается работы должностных лиц, использующих системы с технологиями искусственного интеллекта для принятия существенных правовых или политических решений. Примером этого является использование систем искусственного интеллекта

судьями при вынесении приговоров или освобождении под залог обвиняемых по уголовным делам.

В США активно используется технология Public Safety Assessment (PSA) [15], нацеленная на совершенствование системы досудебного правосудия. PSA использует девять критериев, чтобы предсказать вероятность новых правонарушений (арестов) или неявки в суд до вынесения приговора. Факторы включают в себя текущий возраст человека, предыдущие судимости, и предыдущие отказы предстать перед судом. PSA также может генерировать оценку, указывающую на повышенную вероятность ареста за новое насильственное преступление, в период предварительного производства.

Один из первых и самых популярных коммерческих инструментов оценки риска, который использовался при назначении наказания, называется Level of Service Inventory – Revised (LSI-R). Он извлекает информацию из опроса, содержащую широкий набор различных факторов, которые варьируются от криминальной истории до личностных моделей мышления и поведения. Эти данные используются для определения риска рецидива, а также для определения вариантов приговора. Инструмент был первоначально разработан для использования в реабилитации осужденных, но впоследствии он был адаптирован для использования при вынесении приговора. LSI-R и его адаптированные версии используются для облегчения вынесения приговоров в ряде штатов и юрисдикций США [15].

На примере США можно заметить, что судьи все чаще используют программные системы с ИИ, чтобы оценить риск повторного правонарушения подсудимого. При этом система не предписывает судебному должностному лицу освобождать или задерживать какое-либо лицо или определять какие-либо условия освобождения. Хотя судья и не связан этими автоматическими оценками риска, они часто влияют на решения судьи.

Другое важное направление использования ИИ – правоохранительная деятельность. Технологии искусственного интеллекта используются в основном в двух типах ситуаций. Первый тип связан с так называемой предиктивной охраной правопорядка. Это использование технологии машинного обучения для выявления закономерностей по данным о прошлых преступлениях, чтобы предсказать место и время будущих попыток совершения пре-

ступления. Правоохранительные органы могут использовать эти данные для распределения своих ресурсов наиболее эффективно.

Например, с 2014 г. в США и Великобритании применяется система прогнозирования преступлений PredPol. Система оснащает полицейские патрули электронными картами с мигающими красными квадратами, обозначающими места возможной противоправной активности. Специальные испытания, проводившиеся в течение почти двух лет в трех территориальных подразделениях полиции Лос-Анджелеса, доказали, что PredPol верно предугадывает в два раза больше мест преступлений, чем позволяют лучшие из существующих методик [4].

В Великобритании в 2017 г. применялась программа Harm Assessment Risk Tool. Суть работы программы заключалась в выборе между содержанием под стражей или применением альтернативных мер пресечения, основанном на алгоритме искусственного интеллекта. Тестирование показало: алгоритм мог предсказать, что задержанный не представляет опасности в 98% случаев, и верно определял находившихся в группе высокого риска в 88% случаев [14].

В России с 2016 г. тестируется система «Искусственный интеллект», разработанная «Объединенной приборостроительной корпорацией». Программа фиксирует нарушения на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмодатчиков, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей [4].

Второй основной способ применения ИИ в деятельности правоохранительной системы – технологии распознавания (лиц, контекста, татуировок и т.д.). Системы сканируют толпы людей или пытаются идентифицировать подозреваемых путем сопоставления фото- или видеоданных с базами данных, которые уже содержат информацию тех, кто ранее совершал правонарушения или таким-либо образом контактировал с государственными или правоохранительными органами.

В США в 2014–2015 гг. был проведен эксперимент, связанный с обработкой суперкомпьютером потокового видео, поступающего от всей системы видеонаблюдения для уменьшения потребности в патрулировании городов полицейскими экипажами за счет

повышения ситуационной осведомленности о месте нахождения нарушителей. В результате увеличилось число задержаний нарушителей в течение первого полугодия эксперимента, но затем произошло ухудшение показателей по истечении года с момента его начала вследствие того, что преступники при совершении преступлений стали принимать во внимание возможность ухода от видеонаблюдения.

С 2014 г. используется программа распознавания по фрагментам татуировок. ИИ работает через использование вариантной графической базы в качестве фильтра при автоматическом распознавании образов в потоковом видео, поступающем с городских камер видеонаблюдения. В результате задержано 17 лиц, находившихся в розыске.

Там же с 2017 г. применяется платформа контекстного интеллекта Nigel. Программа создана для контекстного распознавания ситуации (например, родитель ведет собственного упирающегося ребенка или похититель украл ребенка). Результат работы платформы – экспертные советы правоохранителям, привязанные к уникальной конкретной обстановке.

В России система распознавания лиц Find Face Security, внедренная в нескольких городах во время ЧМ-2018, позволила задержать более 180 правонарушителей, часть из которых находилась в федеральном розыске [2].

ИИ и «пользователи» права

Третья категория субъектов включает «пользователей» права. Это граждане, предприятия и организации, которые используют правовые инструменты в личных целях или при осуществлении предпринимательской деятельности. Здесь есть несколько интересных способов использования ИИ. Во-первых, использование компаниями различных аналитических правовых и бизнес-систем. В России созданы такие технологии, как Casebook – сервис для отслеживания и контроля судебных дел и компаний. Среди возможностей Casebook: автоматическая проверка компаний по 36 факторам риска; проверка связей на текущий момент и схемы аффилированности на любую дату; анализ бухгалтерской отчетности с акцентом на слабые места; арбитражная статистика и графики с исковой нагрузкой; данные по текущим и завершенным исполнительным производствам. Сервис «Контрагенты» по любой компании, у которой были суды, определяет индекс

судебной активности. Индекс демонстрирует, как часто судится контрагент, затягивает ли он производство, активен ли в процессе, хорошо ли его юристы готовятся к заседаниям. Сервис покажет арбитражные дела компании и историю исполнительных производств, вычислит вероятность взыскания суммы сделки после суда. «Сутяжник» – автоматизированный сервис по подбору судебной практики, соответствующей содержанию текстовых документов, загружаемых в сервис пользователем (проекты исковых заявлений, отзывы на иски, претензии, уже принятые судебные решения или их проекты и др.), в которых излагается правовая проблема. «Правобот» подбирает практику двумя способами – по ключевому слову и фильтрам или по тексту иска, претензии, жалобы. Раскладывает найденные документы по инстанциям, судам и регионам. Детализирует от суда первой инстанции до высших судов. Находит похожие дела из миллионов. Алгоритм поиска учитывает: вид спора, обстоятельства, инстанцию, исход, участников судебного процесса [5].

Еще один пример использования ИИ включает в себя так называемые правовые системы самопомощи [10]. Это простые экспертные системы, часто в форме чат-ботов, которые предоставляют обычным пользователям ответы на основные правовые вопросы. В 2014 г. в США юрист Э. Арруда основал компанию «Ross Intelligence», в задачи которой входит разработка виртуального юридического ассистента – системы искусственного интеллекта, позволяющей работать в режиме «вопрос-ответ» и дающей определенные рекомендации со ссылками на источники права. В нашей стране портал «Право.ru» запустил сервис со схожими функциями под названием «Pravorobot» в мессенджере Telegram для бесплатных юридических консультаций. Данный сервис позволяет в режиме онлайн задать специалистам вопросы в текстовом виде или в форме голосового сообщения [1]. В 2015 г. создано приложение DoNotPay (доступно в США и Великобритании), которое предоставляет собой базовую экспертную юридическую систему, которая позволяет пользователям ориентироваться в правовой системе. DoNotPay помог своим клиентам выиграть в суде \$16 млн. Средняя компенсация – \$7 000. При этом приложение абсолютно бесплатно, а истец оставляет себе всю компенсацию.

ИИ и проблема предвзятости и транспарентности алгоритма

Есть несколько важных проблем в области ИИ и юридической деятельности, на которые стоит обратить внимание. Так или иначе, в них могут быть вовлечены любые субъекты из приведенных групп. Одна из наиболее важных проблем связана с возможной предвзятостью машин при принятии алгоритмических решений. Если должностные лица используют машинное обучение или другие модели искусственного интеллекта для принятия важных решений, которые влияют на жизнь или свободу людей (например, вынесение приговора), важно определить, относятся ли эти алгоритмы к людям в равной мере справедливо. Алгоритмы машинного обучения и глубокого обучения лежат в основе большинства современных программ на базе искусственного интеллекта. В отличие от традиционного программного обеспечения, которое работает на основе predetermined и проверяемых правил, глубокое обучение создает свои собственные правила и учится на примере [7]. Этот механизм позволяет глубокому обучению выполнять многие задачи, которые были практически невозможны с помощью программного обеспечения на основе правил. Но это также означает, что программное обеспечение для глубокого обучения может перенимать скрытые или явные предубеждения.

В литературе описывается этическая проблема, связанная с внедрением в США программы с элементами искусственного интеллекта COMPAS [6]. Она применялась во многих судах штатов для принятия решения, рекомендовать ли ожидающим суда присяжных тюремное заключение или освобождение под залог. Программа положительно зарекомендовала себя, и ее стали использовать также при решении вопросов об условно-досрочном освобождении. Однако когда был расшифрован черный ящик системы COMPAS, оказалось, что система априори уменьшает шансы на освобождение под залог и условно-досрочное освобождение для лиц латиноамериканского происхождения, не имеющих легального статуса на территории США, а также для афроамериканцев с доходом выше прожиточного минимума, но ниже, чем у среднего класса. Если первый вывод был интуитивно понятен, то второй породил всеобщее недоумение, и эксплуатация системы после широкого общественного резонанса была приостановлена.

Расследование подтвердило, что алгоритмы COMPAS по построению нейронных сетей и глубокому обучению математически безупречны, как и сама программа в статистическом смысле. Статистическая безупречность означает, что нейронным сетям удалось установить наиболее точную зависимость между выходными данными и входными, т. е. между данными, представляющими профиль того или иного индивида, и критериями риска [12]. Все рекомендации COMPAS были верны в инженерном смысле этого слова: программа действительно минимизировала число условно-досрочных освобождений, после которых нарушители закона вновь совершали преступления, а также правильно определяла, в каких случаях перспективнее было бы отпустить человека под залог. Таким образом, общество, правоохранительная и судебная система поставлены искусственным интеллектом перед серьезной морально-этической дилеммой, пути выхода из которой пока не обозначены.

Другая проблема ИИ связана с интерпретацией, прозрачностью принятия решений системами ИИ. Причем простой доступ к основному коду алгоритма является недостаточным. Часто системы ИИ спроектированы таким образом, что основной механизм принятия решения не может быть интерпретирован даже программистами, которые их создали. Критики высказывают мнение относительно того, что системы ИИ, которые участвуют в процессе принятия решений, должны быть прозрачными. Прозрачность, или прозрачность, означает возможность отследить, как определенные факторы были использованы для достижения конкретной цели [8]. Некоторые авторы выступают за то, чтобы сами системы автоматически выдавали объяснения причин принятия решения [11]. Можно представить множество правовых ситуаций, в которых было бы полезно, чтобы алгоритмы были более прозрачными. Однако разработка системы, которая генерирует объяснения, требует времени и инженерных усилий. Поэтому необходимо определить, когда стоит требовать прозрачности, уравновешивая полезность прозрачности с затратами на создание такой системы. Нормативные требования к прозрачности должны зависеть от контекста и основываться на рисках относительно безопасности, справедливости и конфиденциальности [16]. Может потребоваться прозрачность для решений, которые имеют большое влияние на кого-то, кроме лица, принимающего решения.

Для менее важных решений можно выбрать меньшую прозрачность в пользу повышения производительности системы [6]. В этих условиях можно полагаться на статистические показатели производительности системы для обеспечения прозрачности, не предоставляя объяснения для каждого конкретного решения.

Необходимо учитывать, что непрозрачность алгоритмов может иметь нетехнические обоснования, такие как защита коммерческой тайны и т.п. Наконец, встает вопрос о расходах на обеспечение прозрачности, особенно для небольших компаний, для которых это может послужить серьезным обременением. Если затраты на обеспечение прозрачности высоки, такое требование может потенциально оказать негативное влияние на инновации [9]. Несмотря на потенциальную нагрузку на разработчиков, это может быть оправдано для алгоритмов, участвующих в принятии решений затрагивающих права человека. В некоторых случаях нужно признать, что прозрачность неосуществима на практике [8].

Сегодня очевидно, что технологии трансформируют различные общественные отношения, и юридическая практика не стала исключением. Искусственный интеллект, проникая в эту область человеческого бытия, влияет на нее специфическим образом. С одной стороны, с помощью автоматизации и применения правовых технологий появляется возможность решения проблемы с высокой рутинной нагрузкой как на юристов, так и на должностных лиц. Также это позволяет добиться повышения прозрачности и эффективности работы государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. С другой стороны, при большом, на первый взгляд, количестве преимуществ использования технологий необходимо выделить один, но существенный недостаток – применение искусственного интеллекта в процессе отправления правосудия. Передача функций судьи искусственному интеллекту приведет к риску нарушения баланса между законностью и справедливостью, так как искусственный интеллект при всех своих преимуществах уступает естественному интеллекту, который способен ощущать и воспринимать полученную информацию. Таким образом, правовые технологии и, в частности, искусственный интеллект должны повышать эффективность работы людей, а не вытеснять или подменять их при принятии важнейших решений, в особенности касающихся прав и свобод личности.

Список литературы

1. Закиров, Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства / Р.Ф. Закиров // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 211–219.
2. Никитин, Е.В. О новых возможностях применения современных цифровых технологий в правоохранительной деятельности / Е.В. Никитин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №4 (19). – С. 55–59.
3. Никифорова, Т.С. Оставят ли роботы юристов без работы? / Т.С. Никифорова, К.М. Смирнова // Закон. – 2017. – № 11. – С. 110–123.
4. Овчинский, В.С. Технологии будущего против криминала / В.С. Овчинский. – Москва: Кн. мир, 2017. – 288 с.
5. Черных, И.И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий / И.И. Черных // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. С. – 58–72.
6. Angwin, J. Machine Bias / J. Angwin, J. Larson, S. Mattu, L. Kirchner // ProPublica. May 23, 2016. – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing#>
7. Balcan, M. Machine Learning. Generalization Abilities: Sample Complexity Results / M. Balcan. – URL: <https://www.cs.cmu.edu/~ninamf/courses/601sp15/sc-2015.pdf>
8. Buiten, M. Towards Intelligent Regulation of Artificial Intelligence / M. Buiten // European Journal of Risk Regulation. – 2019. – № 10(1). – P. 41–59.
9. Danielle, Kehl et al. Algorithms In The Criminal Justice System: Assessing The Use Of Risk Assessments In Sentencing / Kehl Danielle et al. // Responsive Communities Initiative, Berkman Klein Center for Internet & Society. – Harvard: Law School, 2017. – 36 p.
10. Fracassa, D. California Courts Look to Modernize with Chatbots, Video Tech / D. Fracassa // S.F. CHRON., 2017, [Electronic resource]. – URL: <https://www.sfchronicle.com/business/article/California-courts-lookto-modernize-with-11143095.php>
11. James, L. AI Is Useless Until It Learns How to Explain Itself / L. James // Towards Data Sci., 2018. – URL:

<https://towardsdatascience.com/ai-is-unless-until-it-learns-how-to-explain-itself-7884cca3ba26>

12. Kim, T. Artificial Intelligence Has a Bias Problem, and It's Our Fault / T. Kim. – URL: <https://www.techzonefuture.com/artificial-intelligence-ai/artificial-intelligence-has-a-bias-problem-and-its-our-fault/>

13. Markoff, J. Armies of expensive lawyers replaced by cheaper software / J. Markoff // The New York Times. 2011. 4 March. – URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/05/science/05legal.html>

14. Oswald, M. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and 'Experimental' proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. Barnes // Information & Communications Technology Law. – 2018. – № 27:2. – P. 223–250.

15. Petit, N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications, 2017 / N. Petit. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>

16. Wachter, S. et al. Transparent, explainable, and accountable AI for robotics / S. Wachter et al. // Science Robotics. – 2017. – № 6.